

ПОСЛЕДНИЙ
РИТУАЛ

АЛИНА ШОМОРОВА

Алина Шоморова

Последний ритуал

«Автор»

2026

Шоморова А.

Последний ритуал / А. Шоморова — «Автор», 2026

В мире, где древняя Печать сдерживает Хаос, последний Рыцарь Серебряного Ордена Райнер отправляется на поиски артефактов, необходимых для её восстановления. Но каждый шаг ведёт его через моральные испытания: он вынужден предавать тех, кто доверился ему, и выбирать между спасением мира и собственной душой. Цена пророчества высока, и Райнер ещё не знает, сможет ли он заплатить её, не потеряв себя.

© Шоморова А., 2026

© Автор, 2026

Алина Шоморова

Последний ритуал

Цена пророчества

В воздухе висела тревога. Она оседала на зубах металлическим привкусом, просачивалась в вино, делая его горьким, и скрипела в петлях дверей, которые уже никто не запирали. Древняя Печать, скрепляющая миры тысячи лет, больше не пела. Она вибрировала на низкой, болезненной ноте, и от этого гула у людей внизу, в деревне, собаки выли, не замолкая ни на минуту. Брат косился на брата. Достаточно одной искры, и резня захлестнёт долину.

Райнер, последний Рыцарь Серебряного Ордена, стоял посреди кабинета, который больше походил на птичье гнездо, свитое из пергамента. Манускрипты лежали грудями на полу, свисали с кресел, один даже обвивал ножку канделябра. Райнер был бледен. Не той испуганной бледностью, а белизной кости, которую уже обглодало время. Под глазами залегли синие тени, пальцы, перебирающие страницы, дрожали мелкой, едва заметной дрожью.

Он знал, что не герой. Герои спят в сагах, их латы не знают ржавчины, а мечи всегда наточены. Райнер же чувствовал себя уставшим псом, которого снова сорвали с цепи и бросили в драку, которую уже проиграли. Избранным? Нет. Проклятым. Долг держал его здесь, а не вера в собственное предназначение. Отсидеться в замке? Идея была заманчивой, но стены замка Корган давно не были домом. Они стали склепом на границе двух миров. Снаружи замок ещё выглядел внушительно: серые гранитные глыбы, помнящие топоры северных королей, узкие бойницы, похожие на алые прищуренные глаза, и мост, который больше не поднимался — цепь лопнула прошлой зимой. Внутри же царил вечный холод, в коридорах пахло мокрым камнем и старой золой. Замок умирал вместе с надеждой своего хозяина.

— Где артефакты? — прошептал Райнер, в сотый раз пробегая глазами строки о Ключе Бездны. — Нет ни Ключа, ни Чаш. ... Пусто.

Совет в книгах был один: «Ищи того, кто видел Тьму до того, как она стала Тьмой». Ведьму.

Спуск в темницу был долгим. Каменные стены уходили в сырую утробу замка. Здесь, в самом низу, за решёткой, которую не брал даже лом, сидела она. Костлявая, седая, с глазами, в которых плескалась не тьма, а ледяная пустота. Вокруг неё на соломе не было видно ни одной букашки или крысы... Даже твари боялись её близости.

Райнер остановился напротив прутьев. Факел выхватил из мрака оскал ведьмы: гнилой, безумный, но совершенно осознанный.

— Пришёл, — проскрипела она. — Чуешь, как мир трещит? Ещё немного, и Хаос выплеснется вам на головы, смывая всё, что вы называете Порядком.

— Я знаю, — голос Райнера был глух. — Печать разрушается. Мне нужно знать, как её восстановить.

Ведьма хрипло рассмеялась, закашлялась и сплюнула в сторону.

— Просто так? Расскажи ему, старая дура, как чинить погасшее солнце, пока он тут ловил мышей? — Она подалась вперёд, вцепившись скрюченными пальцами в прутья. — Ты пришёл ко мне с пустыми руками. Я дам тебе знание. Но ты дашь мне то, что есть только у тебя.

Райнер похолодел. Он ожидал золота или свободы.

— Что ты хочешь?

— Клятву, — прошептала она, и в голосе её прозвучала сталь. — Дай мне своё Слово. Ты, последний Рыцарь Серебряного Ордена, поклянись Светом, что, когда Тьма отступит, когда Печать будет скреплена, ты сломаешь свой меч. Не сложишь оружие. Сломаешь. Навсегда. Станешь простым смертным. Снимешь доспехи. Забудешь путь воина.

В темнице стало тихо. Слышно лишь, как стучит сердце Райнера. Она требовала невыполнимого. Рыцарь давал клятву не просто носить меч — он был мечом. Сломать клинок означало предать всех, кто сложил головы под знаменем Серебряного Ордена. Снять доспехи — признать, что их жертва была напрасной. Нарушить клятву верности Ордену, идеалам, самому себе.

Это было предательство. Но за дверями темницы скоро демоны Хаоса прорвутся, и предательством станет уже бездействие. Райнер закрыл глаза. Он чувствовал себя щенком, которого заставили выбирать, какую лапу ему отрубят первой.

— И это единственный способ? — спросил он шёпотом, уже зная ответ.

— Единственный, что я тебе дам.

Он сделал шаг назад. В груди что-то надломилось. Не сердце, а стержень, который держал его все эти годы. Рыцарь посмотрел на свои руки. Руки воина. Руки убийцы.

— Нет, — сказал он тихо, но голос прозвучал как удар молота по наковальне. — Я не могу. Клятва, данная Свету, — это всё, что у меня осталось. Если я предам её сейчас, я стану пустой оболочкой. И даже спасши мир, я буду хуже демона, которого изгоню.

Он развернулся, чтобы уйти.

— Ты погубишь всех! — зашипела ведьма ему в спину. — Из-за твоей гордыни!

Райнер остановился. Не оборачиваясь, ответил:

— Нет. Если мир падёт, я паду вместе с ним, с мечом в руке и с чистой душой. Потому что я не предал себя. А с грязной душой даже рая не заслужить.

Он пошёл вверх по ступеням. Мрак позади него сгущался, но шаги его были твёрды. Он не нашёл ответа. Ведьма смотрела ему вслед, и впервые в её пустых глазах мелькнуло что-то похожее на странное, злое понимание.

— Упрямый дурак, — прошептала она. — Такие и творят чудеса.

А где-то наверху, в Большом зале, с оглушительным треском лопнула центральная балка. Печать начала рваться. И часы истории пошли на секунды.

Кровь дракона

Пепел скрипел на зубах. Райнер брёл на восток. Один. Голодный. Уставший. Солнце не грело — гнило. Земля под ногами спеклась коркой. Воздух пах гарью. Тишина давила на уши.

На третий день он нашёл колодец. Руины. Камни. Пыль. У колодца сидел человек. Он мыл репу. Грязный. Худой. Оборванный. Волосы паклей, ногти чёрные.

Райнер остановился.

— Ты Флинт.

Человек вздрогнул, поднял голову. Глаза горели — багровые угли в пустых глазницах. В них читались древняя тоска и бесконечная усталость.

— Чего надо? — голос сиплый. — Репу пришёл отжать?

Райнер промолчал. Флинт вдруг засмеялся — страшно, сухо.

— Драконью кровь, да? Все её хотят.

Он сплюнул на землю.

— Забирай. Мне плевать.

Райнер шагнул ближе. Потомок не двигался. Флинт смотрел в небо — мутное, гнойное небо.

— Сколько хочешь?

— Немного.

— Бутылка есть?

— Амбула.

— Сойдёт.

Флинт полоснул ладонь ножом. Кровь хлынула — чёрная, густая. Засветилась. Зашипела. Райнер протянул амбулу. Кровь текла долго. Флинт молчал, смотрел сквозь. Потом отёрнул руку и вытер ладонь о штаны.

— Проваливай.

Райнер спрятал амбулу у сердца. Она жгла кожу.

— Спасибо.

— Заткнись. Уходи.

Райнер пошёл прочь, обернулся. Флинт снова мыл репу.

Человек. Не дракон. Просто пьяный, усталый человек. Райнер почувствовал ком в горле.

Он не герой. Он мародёр. Он забрал чужую боль и унёс её в себе. Путь был долгим. Земля пуста. Но груз на душе тяжелее стали.

Гордость эльфов

Граница эльфийского королевства встретила Райнера не стражами и не воротами. Её встречала тишина. Лес, который по легендам должен был сиять вечной зеленью и серебряным светом, стоял серым и поникшим. Деревья тянули к небу голые ветви, точно пальцы утопленников. Листья не шуршала — она осыпалась серой трухой при малейшем дуновении. Воздух был спёртым, застоявшимся, будто в склепе. Райнер ступал по мёртвой траве, и каждый шаг отдавался хрустом, похожим на треск костей.

Эльфы не вышли встречать. Они наблюдали: из-за стволов, из полумрака покосившихся беседок, из тени арок, которые когда-то были прекрасны, а теперь напоминали скелеты гигантских птиц. Их глаза, светлые, выцветшие, не горели враждебностью. В них горела усталость — глубокая, многовековая усталость, похожая на ту, что Райнер видел у Флинта. Но здесь к ней примешивалась ещё и горечь — застарелая, как хмельной мёд, прокисший в бочке.

Райнера провели в тронный зал, хотя назвать это помещение залом можно было с натяжкой. Своды обвалились местами, сквозь дыры в крыше сочился тусклый свет, в лужах на полу плавали листья. Трон из живого дерева, когда-то, наверное, великолепный, иссох и потрескался, и правитель эльфов сидел на нём, как ворон на голом суку.

Он был стар. Не той старческой дряхлостью, что гнёт к земле, а стар, как гора, которую ветер точил тысячелетиями. Лицо его было изрезано морщинами, но осанка оставалась прямой. Глаза, бледно-золотые, почти белые, смотрели на Райнера с выражением, которое рыцарь не мог прочесть: ни презрения, ни гнева, ни насмешки. Только знание — тяжёлое, древнее знание.

— Я знаю, зачем ты пришёл, — голос правителя звучал сухо, как шелест осенней листвы.
— За Ветвью Сумерек. За артефактом, который питает вашу Печать.

— Да, — Райнер поклонился, чувствуя, что здесь церемонии ничего не значат. — Печать рушится. Демоны Хаоса уже просачиваются в мир. Если не укрепить её, всё погибнет.

Правитель эльфов не ответил сразу. Он медленно, с трудом поднялся с трона, опираясь на посох, который тоже был когда-то частью живого дерева, а теперь превратился в сухую палку. Он подошёл к окну — вернее, к проёму, где раньше было окно, — и уставился на серое небо.

— Погибнет? — переспросил он. — Ты так уверен, что мир, который ты защищаешь, стоит того, чтобы его спасать?

Райнер нахмурился. Он ожидал сопротивления. Но не такого.

— Что вы имеете в виду? Внизу, в долинах, люди убивают друг друга от страха. Дети родятся с печатью безумия на лицах. Хаос пожирает всё.

— Хаос, — правитель усмехнулся, но в усмешке не было веселья. — Вы называете это Хаосом. Мы называем это свободой. Твоя Печать, Серебряный Рыцарь, не защищает мир. Она держит в клетке мой народ. Уже тысячу лет. С тех пор, как ваш Орден обманом заключил нашу сущность в этот камень.

Райнер отступил на шаг, будто его ударили. В голове зашумело.

— Что? Печать... сковывает вас?

— Сковывает, — правитель повернулся, и в его пустых золотых глазах впервые вспыхнуло что-то живое — ярость. — Мы были бессмертны, Рыцарь. Мы были ветром и светом, текучей силой самого мироздания. А ваши предки, испугавшись нашей силы, привязали нас к этой земле. Они выпили нашу магию, чтобы кормить свои жалкие человеческие королевства. И теперь, когда Печать трещит, мы наконец начали умирать по-настоящему. Ты видишь эти леса? Видишь, как гниют наши дома? Это не Хаос их убивает. Это ваша Печать высасывает из нас остатки жизни. Чем дольше она держится, тем быстрее мы превращаемся в прах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.